

Кумов Роман Петрович

В Татьянину ночь

Рассказы и очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Р69

Р69 **Роман Петрович К.**
В Татьянину ночь: Рассказы и очерки / Кумов Роман Петрович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 175 с.

ISBN 978-5-519-91789-6

Содержание. Турист; Казань; Бессмертники; Сюжет для рассказа; Свадьба;
Перед жизнью; Юбилей; На зимней даче; Мгновение; Учительница; Мужики;
Архимед; На кладбище; Песня; Лиза; Ученый; Проповедь; В ссылке; Несча-
стье; Рахиль; В Татьянину ночь

ISBN 978-5-519-91789-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Туристъ. Разсказъ.	7
Казнь. Разсказъ.	15
Безсмертники. Сказка.	20
Сюжетъ для разсказа. Разсказъ.	25
Свадьба. Очеркъ.	29
Передъ жизнью. Отрывокъ.	39
Юбилей. Разсказъ	45
На зимней дачѣ. Разсказъ.	52
Мгновеніе. Очеркъ.	59
Учительница. Изъ дневника	64
Мужики. Очеркъ	77
Архимедъ. Разсказъ моего знакомаго.	85
На кладбище. Разсказъ.	93
Пѣсня. Разсказъ.	100
Лиза. Разсказъ	107
Ученый. Разсказъ	142
Проповѣдь. Разсказъ	147
Въ ссылкѣ. Очеркъ	154
Несчастье. Разсказъ	159
Рахиль. Очеркъ	165
Въ Татьянину почъ. Разсказъ	170

Туристъ.

Разсказъ.

Когда Воронковъ, учитель хуторской начальной школы, предъявилъ въ слободскомъ почтовомъ отдѣленіи повѣстку на бандероль, всѣ взглянули на него съ улыбкой, какъ на стараго знакомаго, а по его уходѣ почтмейстеръ сказалъ весело:

— Туристъ!.. Я посмотрѣлъ нарочно въ бандероль: „Путеводитель по Египту“. Честное слово!..

Воронковъ, съ бандеролью, шелъ домой, въ хуторъ, отстоявшій отъ слободы въ пятнадцать верстахъ.

Было лѣто, очень парило, сильно кричали птицы. Было похоже, что собирается дождь. Кругомъ ни рѣки, ни пруда, даже ни кустарника. Только въ жаркіе прозрачные дни гдѣ-то далеко, на краю свѣта, виднѣются зеленые рощи, озеро, голубой влажный воздухъ. Возможно, что все это есть на самомъ дѣлѣ, верстѣ за двѣсти, возможно, что это только миражъ, созданный одинокой и просторной степью.

Хуторъ, въ которомъ служилъ Воронковъ, былъ безнадежно затерянъ въ степи. Только одна плохо проторенная дорога соединяла его съ остальнымъ міромъ, вотъ эта, по которой шагаетъ сейчасъ учи-

тель, дорога въ слободу, въ которой есть почтовое отдѣленіе, по воскресеньямъ съѣзжаются базары и о которой въ хуторѣ такое представленіе, словно она—центръ человѣческой жизни. Хуторъ называется „Безыменовка“.

Хочется сѣсть около дороги и посмотреть при- сланную книгу, но дождикъ уже накрапываетъ, и дома жена и дѣти ждутъ обѣдать. Конечно, жена будетъ браниться, если увидитъ книгу. Она права: странно тратить цѣлый рубль на путеводитель, когда семья голодаетъ и старшій сынъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, способный, живетъ дома, безъ дѣла, такъ какъ везти учить его не на что. Если бы перевести на деньги всѣ эти путеводители, получилась бы крупная сумма—рублей двадцать; а если принять во вниманіе время, которое было потрачено на составленіе всякихъ маршрутовъ, ночное время, когда можно было переплестать книги въ слободу или шить обувь на заказъ, то сумма, затраченная непроизводительно, возрастетъ еще больше. Жена, конечно, права, когда называетъ его швалью, дуракомъ, даже воромъ, и кричитъ маленькимъ дѣтямъ: „Несчастныя сироты! Вспомните вы меня, когда у васъ будетъ мачеха!“ И при этомъ громко рыдаетъ, хотя сама она здорова, румяна, а мужъ худой, какъ щепка, боленъ какой-то сердечной болѣзнью и можетъ умереть сразу...

„Какой я отецъ! Какой учитель!“—думаетъ онъ въ покаянномъ настроеніи и смущенно поглядываетъ на книгу—плодъ своего грѣха... Учитель—это передовой воинъ, рыцарь; онъ твердо вѣритъ въ будущую прекрасную человѣческую жизнь, хотя

самъ живетъ среди тупости, невѣжества и грубо-
сти; и за эту вѣру его провозгласятъ въ будущей
человѣческой жизни святымъ, мученикомъ, память
его будетъ чтиться нѣжными бѣлыми цвѣтами и
грустными трогательными пѣснопѣніями... А онъ
какой учитель: нѣтъ у него этой возвышенной
вѣры, съ людьми онъ потерялъ всякую связь, ни-
чего не читаетъ, кромѣ путеводителей...

Издали онъ замѣчаетъ у воротъ жену и падаетъ
духомъ. Бандероль давно запрятана въ боковомъ
внутреннемъ карманѣ.

— Ты куда это сбѣжалъ?—спрашиваетъ жена
и подозрительно оглядываетъ его...

— Въ слободу ходилъ... Нѣтъ ли книгъ для
переплета у отца Флора...

— Гдѣ же книги?

— Нѣту. Говорить: не прислали.

— Шляешься только. Помогъ бы лучше дровъ
наколотъ.

— Я наколю, Домаша,—говоритъ онъ кротко.—
Ты не безпокойся.

Когда жена спитъ послѣ обѣда, онъ сидитъ въ
классной комнатѣ за своими богатствами. Сколько
здѣсь тоненькихъ книжекъ въ зеленыхъ и синихъ
переплетахъ! Сколько бумаги, исписанной циф-
рами,—все маршруты! Есть маршруты въ Германію,
въ Индію, въ Мексику, даже въ какую-то па-
стушью республику Андора. Нѣкоторые листы съ
маршрутами сильно пожелтѣли,—это тѣ, которые
были составлены давно, во дни молодости.

Съ перваго же дня, какъ онъ поступилъ сюда
учителемъ, у него явилась завѣтная мысль—поѣхать

въ путешествіе. Когда онъ выписалъ себѣ первый путеводитель, по Россіи, и составилъ первый маршрутъ, онъ еще не былъ женатъ, и путешествіе было вполне возможно. Почему-то онъ тогда не поѣхалъ, вѣроятно, не было денегъ. Потомъ онъ женился, пошли дѣти, денегъ никогда не было въ домѣ, но мечта о путешествіи росла, каждый годъ, лѣтомъ, выписывался новый путеводитель и составлялся новый маршрутъ. Только теперь съ каждымъ годомъ маршрутъ составлялся все въ болѣе и болѣе отдаленныя страны: въ Китай, въ Соединенные Штаты, въ Австралію.

О томъ, что онъ выписываетъ путеводители, составляетъ маршруты и хочетъ ѣхать въ путешествіе, знали всѣ, даже въ слободѣ.

Разъ отецъ Фролъ, отдавая ему книги въ переплетъ, сказалъ:

— Вы, вѣдь, у насъ, господинъ Воронковъ, извѣстный туристъ!

И съ тѣхъ поръ всѣ стали звать его въ слободѣ и на хуторѣ туристомъ...

Къ вечеру египетскій маршрутъ былъ составленъ. Онъ оказался довольно дорогимъ — 306 рублей 47 копѣекъ. Выше этого было два маршрута: въ Индію 497 рублей 40 копѣекъ и на Огненную Землю, около Южной Америки, 508 руб. При этомъ въ стоимость египетскаго маршрута Воронковъ не внесъ цѣны за заграничный паспортъ.

За чаемъ ему хочется рассказать про Египетъ, но жена смотритъ строго, и онъ не рѣшается. Послѣ чая онъ направляется къ писарю, своему другу.

— Смотри, не напейся!—кричитъ вслѣдъ жена.

Писарь сидитъ у себя на крылечкѣ и читаетъ „Вѣдомости“. Онъ весь рыжій: голова, лицо, усы,—и мальчишки дразнятъ его за это: „Кирпичъ, кирпичъ!“ Въ хуторѣ онъ считается политикомъ, такъ какъ очень ругаетъ нѣмцевъ и Бисмарка, и думаетъ, что Бисмаркъ не умеръ на самомъ дѣлѣ, а это только подвохъ, жульничество; теперь живетъ гдѣ-нибудь въ Петербургѣ и вынюхиваетъ, что надо...

— Здравствуй, Ефимовичъ! А я вотъ пришелъ рассказать тебѣ... Въ Египетъ думаю поѣхать!..

— На то ты, учитель, и туристъ,—благодушно говоритъ писарь.—Присаживайся!

— Да... Я давно уже думалъ туда поѣхать. Тамъ колыбель человѣческой культуры! Тамъ Ниль, пальмы, пирамиды... Придется ѣхать Суэцкимъ каналомъ... Мнѣ давно хотѣлось взглянуть на это созданіе человѣческаго генія. Каналъ провелъ французъ, я забылъ вотъ сейчасъ его имя...

— Послалъ бы ты, учитель, за бутылкой. Слушать было бы веселѣй...

— Я бы съ удовольствіемъ, но... у меня нѣтъ ни копѣйки!

— Я тебѣ займу. Фроська, сбѣгай въ монопольку.

Онъ досталъ деньги и далъ сосѣдской дѣвчкѣ.

— Я, значить, тебя слушаю, а ты за это меня угощаешь,—сказалъ онъ учителю.

— Да... Такъ вотъ, я говорю, Египетъ мнѣ былъ дорогъ съ дѣтства, снился мнѣ. У моего отца была картинка „Вѣгство въ Египетъ“. Дѣва Марія съ

Младенцемъ Христомъ ѣдетъ на осленкѣ, а Іосифъ идетъ сзади съ посохомъ. Вдали пальмы, бѣлые города, вода... Вотъ еще когда я полюбилъ Египеть...

— Тамъ полиція есть?—спрашиваетъ писарь.

— Полиція?.. Вѣроятно, есть.

— Значить, серьезная нація. Ты, учитель, хорошо надумалъ поѣхать туда.

Возвращается Фроська съ бутылкою. Писарь, кряхтя, лѣзетъ въ погребъ за огурцами. Учитель смотритъ, какъ онъ лѣзетъ, и спрашиваетъ:

— Гдѣ же жена?

— Поѣхала въ слободу, къ Ерофееву, крестить. Воспринимать звали,—отвѣчаетъ изъ погреба писарь.

Около распечатанной бутылки писарь приходитъ въ умиленіе.

— Огурцы мои,—говоритъ онъ великодушно.

Учитель вопросительно смотритъ на него.

— На мой счетъ,—поясняетъ писарь.

— Спасибо. Выпьемъ, Ефимовичъ, за Египеть!

— Выпьемъ,—охотно соглашается тотъ.

— Теперь за мое путешествіе въ Египеть!

— Выпьемъ.

— Я привезу тебѣ камешекъ отъ пирамиды... Или, нѣтъ, я привезу тебѣ цвѣтокъ лотосъ... Онъ растетъ въ Нильской долинѣ, около воды... Чудесный цвѣтокъ! Онъ бѣлъ, какъ снѣгъ, только середина золотая, точно сіяніе...

— Ты миѣ чего-нибудь посущественнѣе: матерін или напитокъ какого тамошняго... Нація серьезная,—пьетъ, поди, здорово!..

Влага въ бутылкѣ замѣтно убываетъ. Учитель сильно поблѣднѣлъ и говоритъ торопливо — о великой пустынѣ, которая примыкаетъ къ Египту и которую онъ непременно съѣздитъ посмотрѣть, о священныхъ крокодилахъ, о мудрыхъ фараонахъ, о сфинксахъ, — все, все, что онъ могъ вспомнить изъ учебниковъ дѣтства и путеводителя.

Когда онъ началъ рассказывать о народѣ, живущемъ въ Египтѣ, красивомъ, стройномъ, въ глазахъ котораго видна туманная, загадочная даль вѣковъ, писарь крикнулъ и подозрительно покоился на учителя.

— А тамъ есть... нѣмцы?..

— Нѣтъ. Тамъ копты, бедуины, арабы...

— Валяй дальше!—успокоился писарь.

Бутылка окончена. Писарь тупо уставился красными глазами на пустую бутылку, потомъ на рассказчика.

— Брехня,—говоритъ онъ раздѣльно, по-складамъ.

— Ты что?—не понялъ сразу учитель.

— Брехня все. Дуракъ ты огромный, учитель!

— Ефимовичъ, ты пьянъ, и я пьянъ, но оскорблять нельзя...

— Какой я тебѣ Ефимовичъ, голь перекатная? Я—писарь!

-- Я лучше уйду,—говоритъ учитель.

— Какой я тебѣ Ефимовичъ?—продолжаетъ писарь.—Я вотъ запрю тебя въ холодную за вредныя мысли, египтянинъ проклятый!..

Учитель, покачиваясь, трусливо бѣжитъ со двора—прямо въ степь. Послѣ дождя въ степи

тихо, свѣжо и раздольно. Небо блеститъ огнями, и по сторонамъ оно совсѣмъ близко надъ землею, — кажется, его можно достать рукою.

Перебѣжавъ дорогу, учитель падаетъ на землю, пьяный, измученный, оскорбленный, — и плачетъ...

Звѣзды сіяютъ, лучи ихъ похожи на золотыя струны, и эти струны звенятъ сейчасъ незримо грустную, свѣтлую пѣсню, похожую на сказку...

Ахъ, крылья бы, крылья!..